

Наталья ПЕТРУХИНА
кандидат филологических наук, доцент
Узбекский государственный университет
мировых языков

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В РОМАНАХ Ф. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И У.ХАМДАМА «БУНТ И СМирЕНИЕ»

Мақолада Ф.Достоевский ва У.Ҳамдам романлари муҳитида (“Жиноят ва жазо” ҳамда “Исён ва итоат” романлари мисолида) қадрият даражаси масалалари кўриб чиқилган.

В статье рассматриваются вопросы ценностного уровня в романном пространстве Ф. Достоевского и У. Хамдама на материале романов «Преступление и наказание» и «Бунт и смирение».

The article discusses the value level in the space of the novel "The Crime and Punishment" by Fyodor Dostoevsky and the novel "Revolt and resignation" by Hamdam.

Калит сўзлар: концептуаллик, катарсислик, исён, итоат, жиноят, жазо.

Ключевые слова: концептуальность, катарсичность, бунт, смирение, преступление, наказание.

Key words: conceptual, katartismos, rebellion, humility, crime, punishment.

Стержнеобразующей доминантой романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» и У. Хамдама «Бунт и смирение» правомерно определить антиномии «бунт/смирение» и «преступление/наказание», вынесенные в название произведений писателей. Номинативное значение названий в романном пространстве писателей обуславливают постановку одного из самых ценностно значимых вопросов о жертве и жертвенности. Жертва, которую готов принести герой романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» Раскольников, означает степень его катарсического принятия веры и смирения. То, какую жертву готов принести герой У. Хамдама («Бунт и смирение») во имя обретения истины смирения, означает ценностность его бунта, который по сути и есть его жизненный путь. Однако в романе «Бунт и смирение» значимость самого бунта, как и его

ценностное содержание практически не обозначены, как, например, в теории Раскольникова осуществлена «точечная» аксиологическая центрация (доказать «тварь дрожащая или право имею»). У. Хамдам концентрирует своего «бунтующего человека» на пути к осознанию истины и вновь не проясняет какой. Путь как бунт и есть высшая «теоретическая» точка учения табиба – героя-мудреца, архетипически воплощающего в романе знак Высшей мудрости: «Разве я не пожертвовал своей жизнью этим поискам? – думал табиб, показывая Искандеру ветки, которые необходимо срезать, и придерживал их, помогая юноше. – Ни семьи, ни семейных радостей и забот, ни желания наслаждаться жизнью, ни сожаления. Всё словно сгорело в пламени и превратилось в пепел, не оставив следа. Теперь этот огонь пожирает Акбара, превращает его в пепел. Он, как и я, отказался от радостей семейной жизни, общения с детьми. Без дома, без родины, без стремлений, без цели, склоняется, как бродяга. Вот уже десять лет, как он покинул кишлак, ему уже за сорок. А он всё там, где был, доньше не усмирил себя. И тот самый внутренний огонь всё ещё пылает в нём. И вся беда в этом огне, Мятежном костре, в его Бунте...» (2, 87).

Путь не к Бунту, а путь как Бунт – вот концептуальное зерно учения табиба, которое он передаёт своим ученикам. Путь, приводящий к Богу через Бунт (это жизнь табиба, Акбара), в принципе равнозначен пути смирения (например, это жизнь вечного труженика Турсунбая), также ведущему к Богу. И такова ключевая идея романа, озвученная табибом: «И я познал смысл жизни, смысл рождения и смерти: он в смирении, в принятии своей человеческой судьбы. Но, это не слепое примирение, а идущее от постижения и понимания. Великое смирение – как бы осознанное подданство Создателю. Потому что мой бунт или, скорее, Мятеж вошёл как часть в моё Смирение и приобрёл совершенно другой смысл, другое значение»(2, 87) .

У. Хамдам не даёт координат ценностно-аксиологического плана, но определяет бесконечную ценность самого пути как высшего критерия осознания личностью своей значимости в этом мире. Не столь важно, бунт или смирение ведут человека к катарсическому прозрению, значим сам момент обращённости к Богу. Именно к этому моменту и стремится привести Раскольникова Сонечка, который не может принять смирения вне теории. Бунт на основе теории Раскольникова – это не путь, а данность. Смирение на основе идеи всепрощения и благодати Сонечки – это путь. Не случайно в романе присутствуют два образа пути: «закрытого» (локализованного Достоевским в пространстве города с его лестницами и перекрёстками), ведущего к бунту, и «открытого» (это путь Раскольникова на каторгу через всю Россию, проделанный вместе с Сонечкой), приводящего Раскольникова

если и не к окончательному смирению и вере, то хотя бы к принятию страдания и любви.

Функция образа проститутки Дианы в романе «Бунт и смирение» во многом совпадает со значением образа Сонечки. Это подчёркивает и известный литературовед М. Н. Холбеков: «Ясно одно, воскрешение души его возможно лишь при искреннем покаянии. Автор подводит Акбара к пониманию того, что единственным путем к духовному воскрешению может быть смирение и признание заповедей Всевышнего. Надежду ему подает Диана. Она для него становится символом жизни и веры в Бога и людей. Противопоставляя бунтарство Акбара смирению и прощению Дианы, писатель в своём романе оставляет победу не за безропотной тетей Ларисой, не за бессловесно страдающей Дианой, не за смиренным Турсунбаем-Жонталашем, а за Акбаром, видя в нем правду. Акбар не в состоянии вынести мучений совести: преступление его приводит к наказанию, которое к нему приходит с осознанием своего поступка. В смирении Дианы он видит путь к спасению и искуплению своей вины»(4).

Несомненно, что смирение Дианы – это смирение слабого человека под натиском того житейского хаоса, которому он не может противостоять. В отличие от этого, смирение Сонечки – это духовная сила, способность в житейском хаосе противопоставить своё Я злу и озлобленности. Смирение Сонечки перед Богом значимо бунтом против социальной несправедливости. Смирение Дианы обозначено именно покорностью и скорее сломом духовным под натиском этой самой социальной несправедливости. Хамдам сознательно, на наш взгляд, «уводит» Акбара от Дианы, поскольку она не даст ему того катарсического воскрешения, которое дала Сонечка Раскольникову. Мы согласны с М.Н. Холбековым в том, что речь идёт не о религиозном смирении, а о примирении с обстоятельствами, которые нельзя изменить. И, соответственно, не о том благородном восстании, о котором идёт речь в книге А.Камю «Человек бунтующий», а о мелком «перевороте» в собственной жизни, когда так хочется изменить хоть что-нибудь»(3, 163). И в этом плане Раскольников и Акбар равны между собой, поскольку бунт имеет ценностный смысл не в точке возникновения, в точке свершения как доказательства своей завершённости. Бунт Раскольникова – это всего лишь преступление, бунт Акбара – вечный путь поисков. По Камю, истинным «бунтующим человеком» может быть назван Иван Карамазов, пребывающий в пути, допускающий преступление, но идущий до конца в состоянии бунта, ибо «подлинный успех бунтарского духа» заключён в вопросе «можно ли жить и сохранять себя в состоянии бунта» – «Иван даёт возможность угадать его ответ: жить в бунте можно, только доводя его до конца»(3,163).

По сути, бунт и Раскольникова, и Акбара направлен против социальной несправедливости, против мира, в котором им нет места. Оба они пребывают в поисках своего места «счастливой жизни» и их попытки доказать свою состоятельность обусловлены, в первую очередь, противостоянием миру своего Я и страхом превратится в того самого НИКТО, который мир бы смог переделать, изменить его к лучшему – со-творить подобно Богу. Алёша Карамазов, один из наиболее приближенных к Богу героев романа «Братья Карамазовы», так объясняет своё «бунтарство»: «Я против Бога моего не бунтуюсь, я только «мира его не принимаю»...» (1, т. IX, 382).

Например, именно с этой идеей мы связываем и параллельную сюжетную линию «библейской» истории о сотворении мира, которая составляет прафабульную канву романа «Бунт и смирение». Оторванная, на первый взгляд, от основной повествовательной линии (о жизни и бунте Акбара), библейская история о сотворении Богом мира и человека призвана разграничить аксиологические статусы «бунт против Бога» и «бунт против мира». Человек, согрешив в своём стремлении познания, ослушался Бога и был им низвергнут в мир земной: «Жизнь в изгнании привела Адама к повиновению. Ангелы известили Создателя и просили его помиловать Адама.

– Хорошо, – сказал Господь в ответ. Я приму его раскаяние. Но его потомки должны пройти тот же путь покаяния, осознания, понимания, и тех, кто придёт к повиновению и послушанию, я помилую. Потом, когда Адам согласился с несколькими повелениями Создателя, Господь принял его покаяние. Конечно, он милостив и милосерден» (2,121).

Человек, по мысли автора романа «Бунт и смирение», по Высшему замыслу должен пройти свой путь от бунта к смирению, и в том заключено предопределение свыше. Только так человек способен познать границу между добром и злом, счастьем и несчастьем, и в этом заключена высшая Человеческая Мудрость.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. IX. – Л.: Наука, 1991. – 816 с.
2. Хамдам У. Бунт и смирение. Роман. – Ташкент: Zar qalam, 2006.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
4. Холбеков М.Н. Между бунтом и смирением (Странные герои Улугбека Хамдама) // <http://www.ulugbekhamdam.uz/roman/bunt.html>